

В.С. Попова
Д.С. МИЛЛЬ В РОССИИ: МЕТАТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И
ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИСТСКОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛОГИКИ¹

В статье представлен обзор современных отечественных и зарубежных исследований психологизма как проблемы философии логики. Обсуждаются и уточняются некоторые параметры рассмотрения психологизма, формулируются возможные направления историко-логического анализа парадигмы психологизма. Исходя из этого, даются замечания о классическом психологизме Д.С. Милля и о его рецепции в России последней четверти XIX – первой четверти XX века.

The article reviews contemporary Russian and foreign researches of psychologism as a problem of philosophy of logic. Some parameters of psychologism consideration are discussed; possible directions of historical and logical analysis of psychologism paradigm are formulated. Remarks on classical psychologism of J.S. Mill and his reception in last quarter of XIX – first quarter of XX Russia are given based on this analysis.

Ключевые слова: логика, психология, психологизм, метапсихологизм, субъект, моделирование мышления, очевидность, Д.С. Милль, М.И. Владиславлев, М.И. Каринский, А.И. Введенский, Н.О. Лосский.

Keywords: logic, psychology, psychologism, meta-psychologism, agent, thinking process modeling, obviousness, J.S. Mill, M.I. Vladislavtsev, M.I. Karinskiy, A.I. Vvedenskiy, N.O. Losskiy.

¹ Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 13-03-00564 "Проблема психологизма в логических учениях второй половины XIX- начала XX века (Англия, Германия, Россия)".

О проблеме психологизма. Рефлексия над проблемой психологизма достаточно полно представлена в современных отечественных исследованиях, ориентированных на философско-логическую проблематику (Е.Д. Смирнова, Г.В. Сори́на, В.С. Меськов, В.Н. Брюшинкин). Вопрос о психологизме генетически, как известно, – это вопрос, касающийся принципов обоснования логического знания, вопрос о природе логического как такового. Соответственно, его постановка характерна для философско-логических работ, интересен он также и с точки зрения методологического и социокультурного статуса логики (например, в концепции логико-культурных доминант Г.В. Сориной [17] или в разработке методологического понятия «образ логики» автором данной статьи [16]). Ведущие специалисты по философской проблеме психологизма-антипсихологизма согласны в идее современного возрождения психологизма, конечно, в обновленном, отвечающем тенденциям развития научного знания виде, наиболее обобщенно такой подход можно обозначить как *метатеоретический* (В.Н. Брюшинкин, Г.В. Сори́на) (см. подробнее [18]).

Актуальность парадигмы психологизма можно представить, по крайней мере, в трех современных тенденциях:

1) «возвращение субъекта», изгнанного некогда антипсихологизмом (см. [там же, с. 22]): в частности, учитывается познающий субъект как эмпирический субъект гуманитарного познания и проектной деятельности (это, однако, предполагает расширение границ рассмотрения психологизма до общекультурного контекста). При философско-логическом взгляде на проблему принимается во внимание ум субъекта, работающего с логической системой, т.е. производится металогическое рассмотрение мышления: «логический вывод есть результат действий субъекта логических

процедур. Сами эти действия — это действия по поиску вывода» [4, с. 98];

2) синтез логики и когнитивных наук, развитие исследований по искусственному интеллекту, когда «в качестве исходного пункта философского исследования можно взять и гипотезу о моделируемости естественного интеллекта искусственным, и гипотезу, запрещающую такое моделирование» [там же, с. 102];

3) оценка аргументов с точки зрения их силы и слабости, релевантности, достаточности и приемлемости (в случае, если неформальная логика, в рамках которой предполагаются такие оценки, признается специфическим разделом логики).

Ещё один важный аспект современного интереса к философско-логической проблеме психологизма состоит в том, что теоретическое осмысление и метатеоретическое возрождение психологизма, конечно, не может обойтись без исторических отсылок, анализа истории, содержания спора и аргументов психологистов и антипсихологистов. С точки зрения историко-философской, пожалуй, недостаточно исследован вопрос о рецепции парадигмы психологизма в России и о влиянии европейской дискуссии о психологизме на отечественных современников этого спора². А ведь такое исследование представляет интерес с точки зрения выявления специфики логики в России, может быть учтено историками отечественной философии в силу того, что многие персоналии имели логические труды, преподавали логику наряду с другими философскими дисциплинами и психологией и даже предложили философски отрефлектированные целостные концеп-

² Содержательные, интересные и значимые исследования этого направления проводятся В.А. Бажановым, результаты нашли отражение в книге «Логико-гносеологическое направление в отечественной философии (первая половина XX века): М. И. Каринский, В. Н. Ивановский, Н. А. Васильев» (2012).

ции логики. Отдельно к этому вопросу мы обратимся ниже.

У зарубежных авторов интерес сосредоточен в области оценок психологистских-антипсихологистских аргументов Милля, Фреге, Гуссерля (например, [14], [23]), рассмотрения неокантианских корней проблемы психологизма-антипсихологизма (например, [22], т.е. ретроспективные размышления над проблемой с современных позиций, в подавляющем большинстве основывающихся на идее победы антипсихологизма. Отдельный интерес для зарубежных авторов представляет рассмотрение спора психологизма-антипсихологизма как явления научной жизни с социальной и даже социологической точки зрения [24].

Экспликация психологизма. При экспликации психологистского содержания из оснований логических концепций проще всего искать утверждения о научном превосходстве психологии над логикой, о широте её возможностей при идентичном с логикой предмете. Сегодня этот чисто внешний критерий явно недостаточен. Принимая за основу метатеретической подход к проблеме психологизма в интерпретации логики, видится необходимым рассмотрение психологизма согласно следующим параметрам.

Основной параметр: наличие в логической концепции положений, которые могут быть проинтерпретированы как *утверждение о моделировании мышления логическими процедурами*. В связи с этим В.Н. Брюшинкин совершенно справедливо внес современное уточнение в область психологистского-антипсихологистского дискурса: «Для концепций, настаивающих на автономии логики, но утверждающих отношение моделирования между логическими процедурами и определенными аспектами человеческого мышления, больше подходит термин «логический ментализм». Использование этого термина подчеркивает, что это

концепция в философии логики, которая устанавливает объективные отношения между логическими процедурами, совершаемыми в соответствии с правилами той или иной формальной системы, и умственными действиями (*mental actions*) субъекта познания» [4, с. 103-104].

Вопрос о *нормативности-дескриптивности логики* по отношению к человеческому мышлению. Решение этой дилеммы не так однозначно, если мы рассматриваем некую авторскую интерпретацию предмета логики. Этот тезис о нормативности либо дескриптивности логики часто упоминается в демаркационных спорах, в конце XIX-начале XX века он представлен как различие оценочного (нормативного) или безоценочного (дескриптивного) отношения к мышлению. Однако решающим остается метауровень рассмотрения: вопрос о природе логического и о предмете логики. Если её предметом признается мышление, то и при нормативном подходе мы имеем вариант психологической интерпретации логики. Также следует учесть, что оценка правильности рассуждения может включать в себя исследование *неформальных ошибок*, либо исследование правильности рассуждений, когда реконструкция логической формы затруднительна (при вопросно-ответных процедурах). Как особый критерий правильности (в рамках неформально-логических исследований) может учитываться *логика естественного языка* в качестве дополнения к формальной логике. Это требует сочетания нормативно-дескриптивного взгляда на логику.

Поскольку индуктивизм, эмпиризм сыграли существенную роль для формирования психологической парадигмы, то список критериев, позволяющих квалифицировать ту или иную концепцию с точки зрения представленной в ней психологической или антипсихологической интерпретации логики, может быть

дополнен. Можно принять во внимание *учет либо игнорирование* логикой внешних по отношению к ней факторов (можно обозначить это как «*принцип чистоты логики*»), явлений социокультурного контекста, онтологических, гносеологических частей философской системы, учитываемых автором той или иной логической концепции. Однако если мы имеем дело с психологистски истолкованной логикой, то этот принцип приобретает примерно такое звучание: «недостаточно чистая логика» или «нечистая логика», т.е. имеет явно негативную коннотацию. Модернизируем этот критерий: в случае включения в логическую концепцию внешних по отношению к ней факторов будем говорить об «*открытой логике*».

Следующий принимаемый нами параметр психологистской интерпретации логики – *практическая направленность логики*. Практическая логика ориентирована на субъекта, в связи с этим – на педагогические цели, широкий круг методологических задач, когда логика служит не только органом точных наук, но включается в ряд методологических принципов гуманитарного познания. Самым существенным и позитивным здесь является то, что практическая логика учитывает развитие логического образования, условия распространения логических знаний, логической культуры. Естественно, что необходимым условием этого является *принятие во внимание характеристик субъекта познания*. Г.В. Сорина справедливо подчеркивает эту позицию среди прочих принципов мира психологизма [18, с. 28].

Ещё один значимый параметр различения психологизма и антипсихологизма носит эпистемологический характер и находится на метауровне рассуждений о логике: *соотношение открытия и доказательства*, их познавательной ценности и концептуальной значимости внутри некоторой логической концепции,

установление взаимозависимости этих процедур (см. [28]). Фактически этот принцип дан в программе метапсихологизма В.Н. Брюшинкина в виде различения вывода и процедуры поиска вывода. Ссылаясь на В.А. Смирнова, он приводит идею о том, что «последние сто лет логика ограничивала свои задачи процедурами доказательства, не претендуя на исследование методов открытия» [4, с. 104]. Однако различения эвристических познавательных процедур и доказательств (как правило, они ассоциировались с силлогистикой, с дедуктивными выводами) можно найти даже у самого классического психологиста Д.С. Милля (об этом – ниже). Вместе с тем, выявление отношений выводов, приводящих к приращению знания и выводов доказывающих, обосновывающих не всегда предстает тривиальной задачей.

Анализ на психологизм-антипсихологизм» является определяющим для экспликации образа логики, представленного той или иной концепцией, поскольку дает существенную информацию не только о связи логики с внешним по отношению к ней знанием, но и о связи логики со знанием, для которого она служит пропедевтикой – с философским пластом того или иного учения. Исходя из признания этой взаимообусловленности философских и философско-логических проблем можно наметить *несколько возможных направлений историко-логического анализа парадигмы психологизма*, диктуемых плюралистическим взглядом на существование, влияние и смену концепций в истории логики:

- 1) Исследовать вопрос о связи логического следования и онтологической причинности в свете принятия позиции психологизма. Логическое следование отождествляется с причинностью, например, у стоиков, у Д.С. Милля, в концепции Н.О. Лосского.

- 2) Вопрос о связи психологистской парадигмы с принятием позиции реализма, номинализма или концептуализма. Исследование в этом направлении предполагает рассмотрение природы понятия как одной из форм мысли, соотношение понятийно-категориального мышления как абстрактно-логического познавательного процесса, с одной стороны, и как процесса, имеющего предметный характер, который «оказывается "ближе к объекту", чем любой другой познавательный акт» [20, с. 120], с другой стороны.
- 3) Связь проблемы психологизма с вариантами обоснования «чужого Я», чужого сознания. Так, эту связь можно выстроить через понятие *очевидности*, которое фигурирует как в аргументации классических психологистов, так и в аргументации их критиков. Этот вопрос также может быть ориентирован на фундаментальную философско-логическую проблему субъекта и объекта познания в логике: обязательно ли, если мы вводим в философию логики субъекта, это влечет психологизм или же имеет значение то, какого рода этот субъект: абстрактный субъект, эмпирический субъект, коллективный субъект. Здесь также можно обратить внимание на характер учета логической концепцией возможностей диалога, связь с риторическим пластом языковой практики.
- 4) Интересно взглянуть на психологизм-антипсихологизма и их аргументы со стороны самой психологии. Это исследование, на наш взгляд, следует провести как историческую реконструкцию и очертить исторически сложившуюся сферу «претензий» и авторитетных мнений в области психологии. Ведь на классическом этапе спора психологизма-антипсихологизма во

второй половине 19 века логика – это наука, основанная на строгой системе научных (аристотелевских или аксиоматических) абстракций, обогащенных многовековой традицией. Психология же на тот момент – наука хоть и активно развивавшаяся, однако не сформировавшая ещё собственной системы научных абстракций, принимающая в качестве основы ассоцианизм, переживающая этап становления экспериментальной своей части, словом, не получившая ещё строгого дисциплинарного оформления. Поэтому те данные о мышлении, которые могла предложить логика, охотно «присваиваются» психологией, поглощаются ею. И если экспериментальные психологические исследования должны быть подведены под некоторую строгую, логическую основу, то в таком случае скорее можно говорить о «логицизме», нежели о «психологизме». С другой стороны, эта ситуация позволяла некоторым логикам придать своей дисциплине практический смысл, увидеть и обосновать для общества методологическую пользу логики и её близость «простой человеческой логике», как выражается Д.С. Милль. В этом смысле психологизм предстает некой конвенцией, отвечающей веяниям времени и ходу развития наук, в первую очередь – становлению *moral sciences*, наук о духе. Вполне понятен вновь и вновь возвращающийся к философско-методологической системе Д.С. Милля интерес и внимание современных исследователей психологизма. При общем единодушии оценок – классический психологизм, фигура британца оказывается притягательной. Здесь и ясность идей, стиля, последовательность и нарочитая подробность его трудов. Кто же Милль в первую очередь? Если философ, то почему подчиняет

философскую дисциплину, пусть фундированную на почве английского эмпиризма, психологии? А если все же не подчиняет? Рассмотрим некоторые неоднозначные моменты.

Некоторые замечания о классическом психологизме Д.С. Милля.

По Миллю методологическая философия, философия науки (в его системе это индуктивная логика) «состоит из двух главных частей: из методов *исследования и условий доказательства* (курсив мой – В.П.). Первые указывают пути, по которым ум человеческий доходит до заключений, вторые – способ испытать их достоверность. При полноте – первые были бы орудием открытия, вторые – доказательства» [13, с. 58]. Выше мы привели различие процедур логического вывода и поиска вывода, предложенное В.Н. Брюшинкиным в качестве методологического инструмента металогического исследования. Учет реальных процессов мышления может быть проведен именно на уровне поиска вывода. В индуктивной логике Милля в виде неформализованных методов исследования причинных связей фактически предлагается описание процедур поиска вывода, этому соответствует то, что британец называет «искусством» мышления, которое рассматривается дескриптивной частью логики. Как известно, эта часть логики носит эвристический, но вероятностный характер. Эквивалент процедур доказательства у Милля – это логика как наука, нормативный аспект логики: «Логика – это Искусство мышления, которое подразумевает правильное мышление и Наука об условиях правильного мышления» [26, р.361]; «она (логика как наука прим. авт.) не берётся отыскивать доказательства, но решает, найдены ли они. Логика не наблюдает, не изобретает, не открывает, но судит».

В системе Милля для оценки правильности рассуждений вводится два термина – «вера» и «очевид-

ность». Б.С. Грязнов считает, что термин «уверенность» («вера» (belief) – прим. авт.) Милль употреблял как характеристику ментального состояния индивида (своего рода эпистемическую модальность); термин же «очевидность» - как эквивалент доказательности (см. [8]). Это различие, на наш взгляд, также может быть соотнесено с поиском вывода и самим выводом как результатом доказательства. Относительно веры в том виде, в котором она представлена у Милля следует уточнить, что она рационально-опытной природы. Но основана ли она на ассоциации идей, которую всегда ставят во главу угла, говоря о психологизме Милля? «Если вера – только нераздельная ассоциация, тогда она – дело привычки и случая, но не разума. Конечно, ассоциация между двумя идеями является недостаточной почвой для веры; это не очевидно, что сообщаемые факты соединены в природе» [27, р. 407].

Если осмелиться дать современную интерпретацию взглядам Милля, то его позицию можно назвать неформально-логической в той части, где логика рассматривается как Искусство: «Человека часто называют великим логиком или владеющим сильной логикой не по точности его выводов, а по тому, в какой степени он владеет посылками, потому, что он не только обладает значительными знаниями, но и в совершенстве пользуется ими для аргументации и для достижения новых знаний» [25, р. 5-6]. Этот «великий логик» Милля – удачливый аргументатор, который умеет находить и использовать хорошие, приемлемые, релевантные аргументы в обыденной практике.

Основное определение, толкуемое как психологистское кредо Милля: «Я нахожу верным, что логика не есть теория Мысли как Мысли, но – правильной Мысли; не есть теория мышления, но – правильного мышления. Она есть наука не отличная, а согласующаяся с Психологией. Настолько же, насколько она во

всём наука, она есть часть или ветвь Психологии, отличаясь от неё, с одной стороны, как часть отлична от целого, а с другой – как Искусство отличается от Науки. Её теоретические основания всецело заимствованы из Психологии и включают в себя настолько той науки, насколько требуется, чтобы оправдать правила логического искусства» [26, р.359]. Однако даже явное указание на несамостоятельность логики не всегда является достаточно убедительным аргументом. А вот онтологизация логики, отождествление логического и онтологического следования и вывод об объективном характере законов логики и мышления заставляют некоторых исследователей усомниться в психологизации философских оснований логики Миллем.

Милль пишет: «Мысль, что в суждении для логики наиболее важно отношение между двумя идеями, соответствующими подлежащему и сказуемому (а не отношение между выражаемыми этими названиями фактами), кажется мне одним из самых несчастных заблуждений когда-либо вкрадывавшихся в философию логики. С того времени, как вкралось это заблуждение, трактаты о логике и сопряжённых с нею отраслях философии духа, почти всегда безусловно признавали теорию, что исследование истины состоит в рассмотрении и сопряжении наших идей или понятий о вещах, а не самих вещей. Учение это равно положению, что единственный способ приобрести знание природы состоит в получении о ней сведений из вторых рук, через посредство представлений о ней нашего собственного духа» [25, р. 109] В соответствии с этим принципом непосредственного усмотрения связи вещей трактуются и логические законы. Так, например, противоположные явления можно встретить как внутри собственного сознания, так и в природе. На это обращает внимание Милль при обосновании происхождения закона противоречия. Но если этот закон касает-

ся как внешних, так и внутренних духовных явлений, значит, он универсален, значит, его можно назвать законом бытия. Как отмечает один из исследователей философии Д.С. Милля Д. Скерри, «говорить, что базовые законы логики есть законы Бытия, значит значительно удаляться от утверждения их в качестве психологических принципов» [29, p.120], отходя тем самым от психологизма.

Такая трактовка все же представляется нам спорной. Тем не менее, можно предположить большую степень самостоятельности логики, чем полное её подчинение, поглощение психологией и утрату своего специфического предмета в миллевской интерпретации. Милль пишет: «Таким образом, существенный отдел науки, изучающей операции человеческого разума при разыскании истины, составляет исследование вопроса о том, какие факты дает нам интуиция, или (непосредственное) сознание, и какие являются только результатами вывода. Однако изучение этого вопроса никогда не относили к логике, его место — в другой, совершенно особой отрасли знания, которой больше всего подходит название метафизики» [25, p.8]. Логика занимается лишь выводами. Она подключается к рассмотрению мыслительных актов лишь при определённых условиях, которые определяются за пределами логики, то, что не имеет к логике отношения, обнаруживается благодаря работе интуиции. И хотя не логика должна демаркировать выводимое знание от невыводимого, от первопопылок, но и психология не уполномочена это делать (Милль оставляет этот сложный вопрос метафизике). Но если вывод имеет место, именно логике решать, правилен ли он или не правилен, шире — хорош или плох. Таким образом, значительная часть науки и человеческого поведения подчиняется, по Миллю, авторитету логики.

Рецепция классического психологизма Милля в России: некоторые эпизоды.

Следует начать с того, что психология была значима как в образовательном, так и в научно-исследовательском контексте эпохи. Русские университетские философы активно преподавали психологию наряду с философскими дисциплинами, стажировались у немецких психологов, знакомились с современными, передовыми психологическими исследованиями, участвовали и были в курсе психологических конгрессов и т.д. Поэтому вполне естественным было психологическое преломление, которое приобретали философско-гносеологические штудии. Сообщающийся, взаимообусловленный интерес к философской и психологической проблематике был присущ подавляющему большинству университетских философов конца XIX-первой четверти XX века (Н.Я. Грот, Г.И. Челпанов, М. И. Каринский, В. Н. Ивановский, М.М. Троицкий, Н. А. Васильев, А.И. Введенский, Н.О. Лосский, И.И. Лапшин. Например: «Влияние психологических идей на Н. А. Васильева было столь велико, что он и в своих новаторских логических работах придерживался установок психологизма». [1, с. 7]; Н. Я. Грот писал о реформе логики, которую он трактовал как учение об умственных процессах, т.е. психологически. В.А. Бажанов произведя общий анализ ситуации, делает вывод о том, что «в логической мысли России XIX — начала XX века, доминировали психологизм (и своего рода антропологизм), согласно которым логика должна заниматься анализом «реального» мышления, а не изучением последствий нормативного характера логических законов и соответствующих им принудительных конструкций» [там же, с. 10].

Каково же было восприятие логико-методологических идей классического психологиста

Д.С. Милля в России последней четверти XIX – первой четверти XX века?

«В семидесятых годах прошлого столетия Конт и Милль пользовались более широким и бесспорным признанием, чем любой из современных кумиров философской мысли» [9, с. 310], - пишет Л.М. Лопатин. Джон Ст. Милль характеризуется как один из самых талантливых и самых популярных писателей того времени, обширно образованный, обладающий острым умом и полемическим талантом. Однако то, что так ценилось просвещенной публикой, имеет и обратные оценки. Так, среди недостатков Милля упоминается «разбросанность», «бессистемность» и «тенденциозность мысли», «софистика». Наибольшее возражение вызывают воззрения Милля на природу математического познания и его эмпирическая теория происхождения математических истин из индуктивных обобщений фактов опыта.

Первый перевод «Системы логики» Д.С. Милля был опубликован в России в 1865-67 гг. Этот перевод, выполненный под редакцией П.Л. Лаврова, оказался не очень хорошим, имеющим пропуски и неточности. В 1899-1900 гг. с десятого английского издания вышел перевод приват-доцента Московского университета В.Н. Ивановского, гораздо более тонкий и профессиональный, ставший классическим. Наряду с переводом оригинального текста в конце XIX – начале XX века имели хождение издания наподобие следующих: «сжатое изложение», «общедоступное изложение», «о наведении по Миллю» или «что такое логика по Миллю?». Под читателем таких популярных изложений подразумевался не профессионально образованный ученый, а «вся масса русской интеллигенции» (так обозначен адресат одного из изложений). Миллем действительно широко интересовались. «Знаменитая «Положительная логика» Милля, наделавшая так много шума и на

родине и за границей, и наконец, у нас в России, занимает видное место и составляет целую эпоху в истории науки о мышлении...» [15, с. V].

Профессиональная философская рефлексия по поводу научных результатов Милля также была обширна и складывалась как из отдельных работ, критически или описательно сосредоточенных на идеях философа. Профессор кафедры философии историко-филологического факультета Московского университета М.М.Троицкий констатирует: «Учение об индукции на всем материке Европы имело особенный успех только с появлением Системы логики Д.С. Милля. Перевод последнего сочинения на русский язык вызвал у нас живейшее внимание к этому предмету, что сопровождалось новыми переводами сочинений, касающихся теории индукции – например Бэкона, Гершеля, Вьюэлля – и оригинальными опытами изложения этой теории – в Логике г. Владиславлева (1872) и в Элементарной логике г. Струве (1874)» [19, с. VII].

Профессором Санкт-Петербургского университета М.И. Владиславлевым была написана одна из первых отечественных обзорных работ по истории логики – «Логика: обозрение индуктивных и дедуктивных приемов мышления и исторические очерки...» (1872), в которой обсуждались идеи британца. Кроме этого в 1879 году была опубликована статья «Английская индуктивная логика». Приверженность Владиславлева концепции Д.С. Милля, над которой он всесторонне размышлял, способствовала неосознанному принятию позиции психологизма (во всяком случае, Владиславлев не обсуждает вопроса о соотношении логики и психологии, не проводит явного разграничения их предметов в работах). О психологизме в видении логики М.И. Владиславлевым можно судить из следующего его определения: «она (логика – В.П.) есть наука о приемах мышления, как душевной деятельности, сравни-

вающей и сопоставляющей, соединяющей мысли в одно целое и творческой» [6, с.3] Логика изучает душевную деятельность, т.е. в данном случае логические процессы отождествляются с психологическими процессами, а факты душевной жизни делают возможным логическое мышление.

Глубокие, критические работы тоже были. Так, профессор Московской духовной академии М.И. Каринский предпринял обширный разбор и критику концепции Милля в работе 1914 года «Разногласия в школе нового эмпиризма по вопросу об истинах самоочевидных». Особенно ценно то, что эта критика была произведена именно логиком³. Другой известный логик Г.И. Челпанов в своем знаменитом Учебнике логики (9-е издание 1917 года) [21] нарочито подробно приводит критику силлогизма Д.С. Милля, а затем дает обстоятельные возражения этой критике. На фоне остальных тем, данных достаточно компактно, для гимназий самообразования это описание выглядит избыточным. Это также косвенно свидетельствует о длившейся популярности и дискуссионности логических идей Милля в самых широких общественных кругах.

Следует разделять внимание к концепции Милля, в особенности – к логической её части в университетской философии России, и встроенность психологистских трактовок в исследования по логике, а также факторы, инициировавшие споры относительно психологизма-антипсихологизма. Возьмем, к примеру, книгу Сергея Сергеевича Глаголева, преподавателя Московской духовной академии, «По вопросам логики» (1910). Неплохая, последовательная учебная книга по логике (к слову, в ней даже дается материал об индийском пятиступенчатом силлогизме в интерпретации Г. Щербатского, что нетривиально для тех лет).

³ О критическом разборе идей Милля М.И. Каринским см. [2]

Как определяется в ней логика: «Логика есть наука о мышлении как орудии познания» [7, с. 1], и дальше: «...весь свой материал логика берет из психологии; логика все-таки представляет развитие лишь одного из отделов психологии и приложение этого отдела к практическим целям» [там же, с.2]; «процесс умозаключений, как он совершается в душе, далеко не выяснен психологией» [там же, с. 122]. Утверждения явно психологистского толка. При этом Глаголев неоднократно делает выпады против классического психологиста Милля. Например, в связи с вопросом о критике силлогизма: «...так как все индуктивные науки не мыслимы без математики, то названные апологеты индукции (Бэкон, Локк, Милль – В.П.) своим походом против силлогизма отрицали не только силлогизм, но и индукцию и вообще все то, что дала и даст человеческая мысль» [там же, с. 137]. Ситуация во многом типична: оспаривание логических идей Милля, напрямую связанных с психологистской парадигмой (ассоцианизм, индуктивизм, критика силлогизма и т.д.), и, одновременно, - рассмотрение логики как науки о человеческом мышлении и другие тезисы, истолковываемые в психологистском духе.

Следует отметить, что явные споры о приверженности психологизму-антипсихологизму вообще не были распространены в России конца XIX-начала XX века. И это говорит о том, что русские философы либо считали взаимообусловленность логики и психологии органичной (в силу сложившейся традиции совместного преподавания этих дисциплин философами⁴),

⁴ В.А. Бажанов делает совершенно справедливое обобщение ситуации: «...психология фактически не отделялась от собственно философии, она составляла с нею синкретическое единство даже в том смысле, что курсы психологии числились по кафедре философии и читались философами. Приобретение отечественной психологией самостоятельности в институциональном плане можно отнести уже собственно к советскому периоду» [1, с. 7]

либо не рефлексировали на метауровне логики, где собственно и обнаруживает себя проблема психологизма-антипсихологизма. В ситуации постепенной дифференциации исследовательских областей логической и психологической отраслей знания скудность демаркационных споров выглядит несколько странно, если принять во внимание общий европейский фон исследований, о котором русские философы имели хорошее представление. Спор, дискуссионный обмен мнениями в публикациях по поводу приверженности психологизму и попыток отмежеваться от обвинений в психологизме явно представлен, пожалуй, в дискуссии А.И. Введенского и Н.О. Лосского. И это объяснимо, поскольку в их концепциях присутствует метатеоретическое осмысление природы логики и коренных её понятий, встроено в общепhilosophические взгляды, - т.н. гносеологическая логика (в терминах С.И. Поварнина).

«Возникновение самой-то логики возможно только в том случае, если уже стали сознавать логическую точку зрения на мышление», - пишет Александр Введенский в 1909 году. Это уже некоторая подвижка в осмыслении предмета логики для отечественных исследований конца XIX - начала XX века, поскольку говорится не просто о мышлении как предмете логики, а об особом взгляде на мышление. Интересно обратить внимание на основания для «обвинений» в психологизме, которые выдвигались тогда, «ближе» к событиям спора Милля, Фреге, Гуссерля и других. Уже на первых страницах «Логика как части теории познания» (3-е издание 1917 г.) А.И. Введенский говорит о теории своего ученика Н.О. Лосского как о «метафизико-психологической», до которой «логике нет никакого дела» [5, с. 8]; далее обвиняет Н.О. Лосского в «смещении логической точки зрения на мышление с психологической» [там же, с. 296]; указывает на то, что «он стремится обосновать свои взгляды на знание *психоло-*

гически, через рассмотрение тех душевных переживаний, посредством которых *возникают* (везде курсив Введенского) суждения и умозаключения» [там же, с. 110]. В одном из рассуждений «Логике, как части теории познания» Введенский говорит: «Н.О. Лосский претендует на то, что его учение чуждо всякого психологизма; а здесь он опирается на одну из спорных психологических теорий» [там же, с. 324]. Лосский же, в свою очередь, усматривал черты психологизма в логической концепции своего учителя. В ряде работ ([11, с. 47], [12, с. 216], [10, с. 113]). Н.О. Лосский указывает, что существует два типа истолкования «Критики чистого разума» Канта: психологистически-феноменалистическое и трансцендентально-логическое. Первое толкование не избавляет гносеологию и логику Канта от психологизма, который, по мнению Н.О. Лосского, им присущ. Остаётся сказать, что в оценке Лосского А.И. Введенский предложил именно психологистически-феноменалистическую интерпретацию «Критики чистого разума» в виде своей «Логике как части теории познания» [12, с. 221]. И совершенно явственно Н.О. Лосский говорит о психологизме в интерпретации логики А.И. Введенским на страницах работы «Логика профессора А.И. Введенского». Так, на странице 16 он задаётся вопросом: «Не содержит ли в себе скрытого психологизма также и «Логика» проф. Введенского...?» [10, с. 16], а затем обосновывает утвердительный ответ на этот вопрос.

Вывод: склонность или приверженность психологистской парадигме в логике России конца XIX-начала XX века не была напрямую связана с популярностью идеи Д.С. Милля, с рецепцией его воззрений. Определяющими факторами здесь были, скорее, исторические условия, в которых бытовала университетская философия, а также особенности научной и педагогической деятельности в России указанного периода:

философия, логика и психология сосуществовали как преподаваемые дисциплины. Образовательные требования эпохи диктовали объединение данных наук о мышлении. С учетом авторитета философии Канта и некантианцев в России эту тенденцию точнее можно обозначить как «гносеологизм» (например, у Лапшина законы мышления трактуются как абстракция от форм познания). Ещё один предположительный источник некоторых элементов рефлексии в отечественных концепциях относительно связи психологии и философии – авторитет немецкого неокантианства⁵, ученичество у В. Вундта, внимание к Х. Зигварту, Т. Липпсу, К. Штумпфу. Это направление влияния представляет отдельный интерес для исследований.

Список литературы:

1. *Бажанов В.А.* Логико-гносеологические исследования в России первой половины XX века. // Логико-гносеологическое направление в отечественной философии (первая половина XX века): М. И. Каринский, В. Н. Ивановский, Н. А. Васильев / под ред.: В. А. Бажанова. М.: РОССПЭН, 2012.
2. *Бажанов В.А.* М.И. Каринский и Дж.Ст. Милль // Логико-гносеологическое направление в отечественной философии (первая половина XX века): М. И. Каринский, В. Н. Ивановский, Н. А. Васильев / под ред.: В. А. Бажанова. М.: РОССПЭН, 2012. С. 115-117
3. *Брюшинкин В.Н.* Логика. Мышление. Информация. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988.

⁵ О связи психологизма-антипсихологизма с неокантианством см.[22].

4. Брюшинкин В.Н. Логика и процедуры поиска вывода. // Логические исследования. 2010. Вып. 16. http://iph.ras.ru/uplfile/logic/log16/li-16_Brushinkin.pdf дата обращения 21.10.2013 г.
5. Введенский А.И. Логика, как часть теории познания. Петроград: Тип. М.М. Стасюлевича, 1917.
6. Владиславлев М. Учебник логики. Издание 4-ое. М.: Тип. Кушнерев и Ко, 1905.
7. Глаголев С.С. По вопросам логики. Харьков, 1910.
8. Грязнов Б.С. Проблемы науки в работах логиков-позитивистов XIX века. // Позитивизм и наука. М.: Наука, 1975.
9. Лопатин Л.М. Философские взгляды В.Я. Цингера. // Лопатин Л.М. Философские характеристики и речи. М., 1995.
10. Лосский Н.О. Логика профессора А.И. Введенского. М.: Тип. Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1912.
11. Лосский Н.О. Гносеологическое введение в логику // Основные вопросы гносеологии. Сборник статей. Петроград: Книгоиздательство Наука и школа, 1919.
12. Лосский Н.О. Логика. Часть вторая. Петроград: Наука и Школа, 1922.
13. Миль Д.С. Огюст Конт и позитивизм. М., 1897.
14. Моханти Дж. Н. Понятие «психологизм» у Фреге и Гуссерля. Логос. 2007. №6 (63). С. 128-146.
15. Положительная логика Д.С. Милля. Её основные начала и научная постановка. Общедоступное изложение под ред. А.П. Федорова. СПб., 1898.
16. Попова В.С. Роль понятия «образ логики» в историко-логических исследованиях // Преподаватель XXI век. Общероссийский научно-практический журнал о мире образования. 2006. № 2. С. 21-23.
17. Сорина Г.В. Психологизм и антипсихологизм: возникновение, циклы подъема и спада в куль-

- туре // Логическое Кантоведение - 4: Труды международного семинара. Калининград, 1998. С. 59-84.
18. Сорина Г.В. Проект «психологизм-антипсихологизм» в метатеоретическом контексте // Рацио.ru. 2012. № 8. С. 20-45.
 19. Троицкий М.М. Учебник логики с подробными указаниями на историю и современное состояние этой науки в России и других странах. Кн. 1. Изд. 2-е, СПб, 1886.
 20. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2002.
 21. Челпанов Г.И. Учебник логики (для гимназий и самообразования). Изд. 9-е. М., Пг., 1917.
 22. Anderson L.R. Neo-Kantianism and the Roots of Anti-Psychologism. // British Journal for the History of Philosophy. 2005. Vol. 13. Issue 2. P. 287-323.
 23. Godden D. M. Psychologism in the Logic of John Stuart Mill: Mill on the Subject Matter and Foundations of Ratiocinative Logic // Journal of the History and Philosophy of Logic. 2005. Vol. 26, Issue 2.
 24. Kusch M., Psychologism: A Case Study in the Sociology of Philosophical Knowledge, London: Routledge, 1995.
 25. Mill J.S. A system of logic. London, 1973
 26. Mill J.S. An examination of Sir Hamilton's Philosophy. Ed. By J.M. Robson, intro Alan Rayn. University of Toronto press, 1979.
 27. Mill J.S. Editorial notes to James Mill's Analysis of the Phenomena of the Human Mind. Toronto and London Univ. of Toronto Press and Routledge. 1979.
 28. Peckhaus V. Psychologism and the Distinction between Discovery and Justification // Schickore J., Steinle F. (eds.) Revisiting Discovery and Justification. Berlin, 2006. P. 99-116.

29. *Scarre G.* Logic and Reality in the Philosophy of J.S. Mill. Dordrecht, Boston, London, 1989.

Об авторе

Попова Варвара Сергеевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии исторического факультета Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, varyud@mail.ru.

About author

Dr. *Varvara Popova*, Associate Professor, Department of Philosophy, Faculty of History, Immanuel Kant Baltic Federal University, varyud@mail.ru.